

Культенко
Валентин

За семью
печатями

... Правда, мы отнимаем от этого
сметшно: ведь по этой логике
шли в себе силы даже помереть
ности». Люди при обслуживании
качь на линию автобуса в соо
сти закупать новые автобусы
плохого финансового состояни
свой проезд. Из этого выте
эти-перевозчиков в том, что
администрация Союз полагает
Получив этот ответ, предсе
неров в общественном тран
для перевозки пассажиров
нию, в настоящее время админ
наличие материальных ресур
категории граждан принимается
проезда в общественном тран
луста 2000 года. Реше о м
озвучена прокомментиро
реализации с 25 июля
перевоз на территории
формации
менения законодательства
направляется в Союз и
данное обязательство
Управление транспорта и св
ходов для пассажиров
лено общественности по вопро
Организация транспорта
По решению правительства
нию поездки и проездом
ваются по тарифным усл
услуге, считаемся за один
родском пассажирском транс
по любому пригородному м
тов - Ред.). Таким образом
конодательства. (Далее след
проезжих документов при
...

Валентин Культенко
За семью печатями

«Автор»

2026

Культенко В. П.

За семью печатями / В. П. Культенко — «Автор», 2026

Это книга о поиске смысла, столкновении с неизведанным и выборе, который определяет человечность. Она состоит из нескольких самостоятельных новелл, каждая из которых предлагает читателю оказаться на перекрёстке реальности и мистики. Автор помещает героев в ситуации, где привычные представления о мире дают сбой: охотник на нечисть оказывается полукровкой, скрывающим свою природу. В тексте поднимаются вопросы свободы, долга, вины, природы веры и ценности человеческого поступка. Вместо готовых ответов здесь — напряжённые диалоги, рефлексия и попытка услышать Другого, даже если этот Другой — не человек. Это проза, которая не стремится увести в сказку, но старается разглядеть необычное в обыденном — и тяжёлое, и светлое одновременно.

© Культенко В. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

О Боже, это Ты?! Это мы?!	5
Путешествие в Казань	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Валентин Культенко

За семью печатями

О Боже, это Ты?! Это мы?!

Холодный осенний день, ветер срывает красные и желтые листья с деревьев; звуки их падения похожи на начало дождя. Это очень красиво. Осень, пожалуй, самое живописное время года, какое только есть в мире.

По обычному парку, заваленному разноцветными листьями, но трава которого при этом еще не пожелтела и не высохла (вдобавок недавно шел дождь), шел Человек. Одет во всё теплое, на вид, замкнутый и измученный всякими вопросами и проблемами, и одежда только подчеркивала эти мысли. Навстречу шел еще один, одетый как панк или хиппи: черная куртка байкерского типа, длинные голубые, слегка потертые и рваные джинсы (это замысел дизайнеров данной модели), черные очки, на голове наушники, провод которых прикреплен к старому большому плееру, похожему на модель восьмидесятых годов. Волосы длинные, жесткие, голова овалообразная, нос маленький, но прямой и ровный, пухловатые губы, рот кажется большим, лицо скуластым или, наоборот, худощавым, обволакивающим череп; высокий, ужасно худой. Но как бы то ни было, он выглядел живее, чем другой. Прошли мимо друг друга, Человек вдруг остановился, оглянулся. Нет, это Он! Иисус Христос! Неважно, как он понял, важно то, что эта встреча в парке, который должен был послужить музеем для художника-акварелиста, стала роковой.

— Иисус? — робко остановил его, протянув руку.

— Ну Я, — с каким-то неприветливым скепсисом отнесся к незнакомцу. — Что ты хочешь? Снимок? Так тебе никто не поверит, ты сам знаешь, в каком мире живешь, но и Я жил в таком.

Пошел далее, оставив его одного и со спектром мыслей, эмоций. Кликнул:

— Эй, если ты хочешь, можешь пойти со Мной.

Уже двое. Сели на мокрую скамейку. Учитель развалился на ней, распластав свои руки на верхнем краю спинки скамьи, расслабился, а его спутник как-то сгорбился, еще больше зажался. Да уж, не каждый день встречаешь гостей сверху, а как бы вы себя повели с Ним?

Распознавший Бога спросил:

— Послушай, а есть ли другие боги?

— Японию знаешь? Жители этой страны называют себя «Страной богов», — привстал немного.

— Ну...

— А есть и Индия, там иногда члены разных сект враждуют между собой.

— И...

Тот снова развалился:

— Вопрос закрыт? Вопрос закрыт.

— Ну почему? Если Твое учение истинно.

— Не мое, т. к. Я и Отец Едино. Учение моего Отца. Мог бы сказать, что для каждого дурака — свой фантик, но нет! Проблема в том, что у каждого свой опыт и понимание; проблема политеизма, не проблема политеизма — не проблема христианства, это проблема иноземцев. Если все придут к Нему, то другие останутся без последователей. Это логично? Это логично.

— Но секты и...

— Далеко не все сектанты плохие, многие бывают в тумане, но это не делает их плохими людьми. У каждого свой уровень понимания, так решил мой Отец.

— Почему? А грех?

— Продолжаю: обстоятельства или выбор иной раз отягощают худшее из событий. Еще некоторые священники говорили, что один грех заменяет или, своего рода, спасает от большего греха: гордыни или тщеславия. Тоже выбор и других богов. Проблема не в том, кому поклоняются, а в том, как и что делают для остальных поклонники. Мой Отец хороший, но сам видишь, какие иной раз у него последователи. Вот и идут люди кто куда. Всякие конфликты, учения, ненависть или любовь, уважение к ним могут по-разному влиять на человека. Но главная проблема: Ты, не ты лично, а человек в целом. Что он примет: поступок или то, как и что должны делать на самом деле. Не суди, но обличай, как Сказано.

- То есть грех полезен?

- Иногда да, в основном нет. Грешники заставляют думать, их поступки осуждаемы и отвращаемы, разоблачаемы и обличаемы. Сложно было и Мне в пустыне стяжать страсти. Согрешение с покаянием заставляет задуматься: так ли хорош «я» или человек передо мной? Выбор. Выбор абсолютный; в некоторых случаях ярые падшие спасают мир от худшего, своим поведением заставляют задуматься, как мы живем и так жить точно нельзя. Ты знаешь!

Временами Учитель отрывал спину от скамьи, жестикулировал, снимал очки. И так на протяжении всего диалога.

- А Дьявол? Он искушает? Он же как... враг рода человеческого!

- Он инфантилен, — Человек замер от удивления, — не выдерживает даже самой глупой или поверхностной критики. Чуть что — в крик и слезы. Если бы он был силен, мир был бы другим. Его страсти — его проблема; страсти губительны, такие как у него, потому что он хочет силой все получить, но сила в его случае — аргумент тупицы.

- Да, — сказал тот, — у меня есть просьба о Боге, Отце.

Иисус догадывался, о чем, после слов: «Давай» собеседник продолжил:

- Может ли Он быть помягче, добрее к... нам?

Искупитель рассмеялся:

— Мой Бог — самый добрый и мудрый. Вот пример: вам, людям, свойственно стирать пыль, грязь, кровь с портрета какого-нибудь типа, который стал причиной несчастья миллионов, имя которого стало ужасом и символом времени-режима, чье имя, действия, приказы стали причиной пропажи, уничтожения семей, разорения и т. п. Но вы, так называемая цивилизация, продолжите и далее смахивать пыль, которая ничем не смывается, как провинившиеся малолетки рыдать, ища глупые оправдания своему мертвецу, очищая портрет кумира. Вы, тем не менее, продолжите дальше считать дурачем любого верующего, с нескрываемой брезгливостью отворачиваться от любого собора. А Мой Отец — самый добрый, Он, знаешь, даже страдает от своей доброты. Вот возьмем Потоп: сначала «Папа» дал ангелам образовывать семьи с детьми, потом, видя несправедливость в продолжительности жизни, продлил ее, ну а потом... все испортилось: похоть, каннибализм, заносчивость, похлеще, чем у тебя, ныне. Сам говорил: «Будет как до Потопа». И смысл; Он тогда впервые раскаялся, есть строчка в Писании, как знаешь. Его покаяние, как и гнев, лучше не видеть. Гнев нормально перенес, а на покаяние «Папы» мне было очень грустно, страшно, не мог найти места, не знал, что делать.

Такое откровение удивило выпрямившегося собеседника, чье лицо вернуло нормальный, здоровый цвет. Христос продолжил:

— Отец даже очень демократичен, можно даже сказать — анархичен. В чем? Сам видишь, сколько на Земле, а то и во всей Вселенной свободы. Борьба — Его дар, Его свобода; смерть за идею — Его; презрение к кому-либо, чему-либо — Его; поиск — Его; вопросы — Его, и далее, и далее! Можно согласиться не только с божеством старого времени, но и с падшим Денницей: «Дает слишком много разгула». Но они не понимают, как поняли многие веру-

ющие, Мои последователи, кто Он и почему так поступает. Это сложно нередко объяснить словами, лучше пережить.

- А войны, болезни, нищета?!

Тот улыбнулся:

- Ну, далее.

- Инвалиды, насилие, диктатура, в конце концов все, что... человечество называет злом?

- Да, это зло, но не такое, как планирует сын Сатаны; и было до этого, и со Мной. У вас забирают права, ограничивают связь, все сами на самом деле себя дискредитируют своей глупостью. Но хуже, когда у вас нет еды в прямом смысле, нигде нет, ни у кого! Представил? Себя не можешь прокормить в таких условиях, что уж о семье и прочих. А нищета, болезни — тут две вещи, которые взаимосвязаны: во-первых, спасение от худшего, от общества потребления с несвободой внутренней, когда быть добрым, благочестивым, честным — унижение. Защита иногда от некоторых нехороших элементов общества. Ну, второе — вы где? — тут он разгорячился, часто тряс правой рукой, в которой были сложены очки, — где вы?! Люди?! Все вы говорите о правах, времени, прочем, но когда доходит до дела — всё! Ничего от манифестов. Проще пригнать всяких маргиналов в свою страну, чем поднять собственную или помочь; силу сами получили и соседу помогли, — успокоился. — Ведь было время, когда имели все и другим хватало. Куда это все делось? В этом есть резон: многие отворачиваются от цивилизации из-за её поступков. Сам вспомни, сколько ненависти вокруг; с ненавистью ты лишь ко Тьме придешь. Те плохие, те плохие, и вот человек бросает этот мир, по сути сойдя с ума, закрывается от мира и живет на мешках с деньгами. Ну, развращение как следствие. Человек не рождается злым, его делают таким. Делает мир. Всех не перевоспитаешь, вы, человечество, можете откинуть всю мерзость и стать лучшим — в прямом смысле лучшим из миров, где нет угнетения, пропаганды, смерти, горя, ненужных инвалидов, стереотипов. Где все — одна семья.

Вид собеседника стал задумчивым, Христос сидел уже без очков с грустным видом.

— А как жить?

— Закончу: не видишь добра — начни с себя, вовек не дождешься помощи. Стань примером, — выпрямился Искупитель, — и тут уже новый поворот к вопросу: у вас все есть, но книгу, именуемую Библией, не воспринимай буквально. Ищи толкования, погружайся в историю. «Делай добро», — как сказано. И главное — сохраняй в любое время свободомыслие. Горе тому, кто не отвечает на вопросы; если отвечает абстрактно, уточни: «Знает ли сам? Готов ли он говорить? Не боится сбить с толку других?». Если молчание, игнор и т. д., но не ответ, — лучше не иди. Мы не рабы, Я говорил это.

— А грешники? Заслуживают ли прощения многие? Просто... — как-то нерешительно говорил тот.

— Знаешь, — опустил голову, — я слышал молитвы и проклятья. Да, убийцы и прочие преступники, негодяи проклинали себя. Можешь себе это представить? Проклинали себя. За то, что не могли сдержать свои страсти, гнев и тому подобное. За то, что были возможности исправления, но теперь менять что-либо почти поздно. А Ад? Он похож на Рай, с жирным нюансом. Каким? Все те, кто туда попал, друг друга ненавидят: постоянные ссоры, драки. Там нет того, что есть на Небесах и здесь, на Земле; нет той самой благодати, вечное чувство неудовлетворенности всем и бесконечные кошмары-воспоминания.

Опять молчание. Сын Человеческий все так же лежал на спинке скамьи, Человек сидел ровно, размышляя о словах Богачеловека. Тут Мессия решил покинуть собеседника, но перед уходом они поговорили еще:

— Прощай. У тебя есть еще вопросы, но ты их или не помнишь, или они не возникли. Мы встретимся еще.

— Где Тебя найти?

— Я везде и нигде. Встретимся в любой момент, даже если будем далеко. Чтобы победить себя, думай о Нем. Трудно, непросто; взвешивай, борись со своими помыслами как знаешь, если видишь их губительность или они как минимум противны тебе. Пусть Он тебе поможет, — он поднял руку вверх, будто указывая место проживания, пребывания своего Отца, — Я могу быть твоим соседом, спутником; да, это могу быть не Я, но вы все проходите через Истину, испытание ею. До встречи, Человек!

P.S.: Если автор задел чьи-либо чувства, то заранее извиняюсь. Каждый может ошибиться.

(24.04.2026)

Путешествие в Казань

I.

— ...Выжившие. Кто-нибудь... я на Дворцовом мосту, с десяти до двух часов дня здесь. Вы не одиноки. У меня есть еда.

Этот юноша врал. Еды хватило бы лишь на двух человек, не больше. Еще вчера казалось, ты студент, а теперь, в две тысячи тридцатом году, в разрушенном мире стоишь на мосту, до последнего надеясь найти в городе еще живых.

Вот уже два тридцать, хватит уже кого-то бесцельно ждать. Вновь иди по городу: по расстреканным улицам, выдавливая из пустых домов с разбитыми стеклами и сломанными лестницами крики: «Эй! Кто-нибудь?», катаясь по земле, поросшей мхом и бурьяном; скоро и другие растения будут пробивать асфальт. Природа не могла не забрать свое. Впрочем, все уже видели и достаточно фантазии многим, чтобы представить разрушенный постапокалиптический город. Главное, наверное, в любой истории — суть, с незначительными добавками, остальное — фон.

Молодой красивый светловолосый с обратнойцевидной головой парень Саша, как и всегда, искал в Петербурге выживших, параллельно ища еду. Правды ради, он уже отлично освоил огородничество; жаль, нет зверей, можно съесть и крыс, и птиц поймать, да только горькие многие из них на вкус.

Очередной «рабочий день» этого юноши: скоро ночь, холодно, хотя в душе горит слабый огонь надежды, который, как ни странно, согревает его. Похоже, что больше ничего нет, кроме надежды.

Какой-то шум: как будто кто-то возился в разрушенном магазине. Какое счастье, что не показалось.

Радостный, он буквально сиял от радости, даже всё тело как-то стало гибким, плавным, как волна, будто еще немного — и взлетит. Он слез со своей машины, которая была оборудована еще и громкоговорителем.

— Здесь нет ничего, — сказал парень, хотя лицо, несмотря на яркость, все еще было печальным, наверное, от усталости. Навстречу повернулись двое жутких уродцев: серая кожа, узкие, похожие на треугольник алые глаза со зрачком, как у кошки, острые уши, прижатые к голове, лысые головы. Двое гулей стали медленно подходить к нему.

Страх, невероятный страх — этого не может быть! Он искал выживших, а наяву встретился с воскресшими из мертвых негодьями. Раздался выстрел; один из упырей хотел бежать, но все равно бы не успел перелезть через горку из руин соседнего подъезда.

Парень повернулся: перед ним стоял татарин — с щетиной, круглыми маленькими глазами, высокий, в белой шапочке, хотя она выглядела как-то нехарактерно, ведь тело закрывал весенний коричнево-зеленый плащ, под которым был бронежилет, напичканный всяким оружием.

— Ты кто?

— Я Илдус. Здесь недавно.

II.

Вот еще выживший. Хоть он человек? Что здесь происходит?

Татарин продолжил:

— Ты кто?

— Александр.

— Александр, — повторил для запоминания, — здесь оставаться нельзя. Темнеет. У тебя есть дом?

— Да. А почему нельзя?

— А сам видишь, — меж тем Александр повел нового знакомого в свое убежище, — после всего, что произошло в мире, всякая всячина полезла наружу, теперь они не скрывают свои лица: ведьмы, оборотни, феи и прочее. И, как видишь, не все из них безобидны.

— Да. Понятно, — переваривая эту истину, сказал юноша, — а ты кто?

— Человек, — он соврал, был вампиром, — но по должности: охотник на нечисть. Сейчас в этом регионе заказов нет. Поэтому отправился в столицу. А раньше? А раньше был участником боев без правил в среднем весе.

— Ого.

— Да. Но теперь у меня возникли проблемы. Ты можешь мне помочь?

— А что надо? Постараюсь сделать что могу.

Дампир продолжил:

— Я недавно со своей семьей переехал сюда после Катастрофы, как понял сейчас, да? Стал «головорезом», но мою семью с детьми убил опасный и сильный упырь, бывший, как я узнал, когда-то сатанистом-магом некто Смоковников, слышал?

— Нет.

— Вот он должен быть здесь, нашел его, но... гнида убежала. Поможешь: ты должен стать отвлекающим фактором при встрече с ним, остальное беру на себя. Будь готов, это опасно, но с оружием все пройдет быстро.

— Подожди! — воскликнул путеводитель, подъезжая уже к «дому».

— Ты говоришь, здесь недавно. Почему ты не выходил на связь?!

— До этого был в деревне, — повернулся тот, — и только вчера услышал твой клич. Пришел было поздно, никого не было, само собой. Решил завтра, но через допрос одного типа нашел этого... о ком говорил. Было поздно уже искать тебя.

Парень подумал, что охотник явно не врет: сил динамиков не хватило бы, чтобы охватить хотя бы половину региона, звук, скорее всего, кончился на Лиговском проспекте.

Убежище было под землей, просторным, пахло приятно растущей зеленью. Илдус чуть не ударился о перекладину, правда. Конечно, ужин был веганским, т. е., но другой альтернативы не было. Утром решили найти вокзал и построить план маршрута до Казани, т. е. повозившись в имении Смоковника, нашел карту, где был указан штаб его соратников.

III.

Утром они отправились на поиски вокзала. Илдуса интересовало, как парень смог сделать радиостанцию. Оказалось, это был студент, инженер-радист, ну а машиной он стал управлять недавно. По дороге был еще спор, как лучше всего добираться: потому что есть риск, что рельсы могут быть сломаны или, поезд выйдет из строя где-нибудь вдали от центра. Не лучше ли тогда на машине? Но подошли они к Московскому вокзалу и увидели, что там кто-то еще ходит. Неужели еще выжившие, и кто это? А то вдруг призраки, учитывая рассказ татарина.

— Эй, вы кто? — крикнул парень.

— Мы кочевники, а вы? — спросил какой-то лысый, бородатый, пухлый, но среднего роста, голубоглазый мужчина, вооруженный АК-47; на нем была футболка с изображением белого православного креста, она говорила о его взглядах. Рядом с ним стояла какая-то худощавая короткостриженная рыжая женщина.

— То есть? — продолжил парень.

— Катаемся по стране, собираем теперь оружие для противостояния секте «Возвышение». До этого собирали и продавали на местном рынке всякий хлам. А потом пришли упыри вместе со своими прихвостнями и атаковали Казань. Мы были тогда далеко и не попали под раздачу.

— Казань?

— Да. Может, поедете с нами? Лишние руки не помешают.

— Подождите, — сказал Илдус, — вот этот парень почти месяц звал выживших. Почему вы не реагировали?

Мужчина с крестом ответил:

— После Катастрофы появились, как их называют, участки. Они создают звук, будто кому-то нужна помощь, или пугают криками каких-то существ. Есть опасность, что это могут делать всякие мутанты, у Николая был такой опыт.

Воцарилась неожиданная пауза. Александр сказал: — Ты слышал? Они из Казани. Мы готовы.

— Вы можете ехать куда хотите, — вдруг развернулся охотник. Пацан догнал стремительно уходящего нового приятеля, чтобы отговорить его от глупостей.

Тот ответил:

— Послушай. Даже если бы я им не доверял, все равно! Я работаю один. Это моя месть.

— А ты им доверяешь?

— Да. У меня есть чутье, на них можно положиться.

— Тогда лучше положиться на них. А то, кто знает, сколько людей или нелюдей в отряде Смоковника. Нехотя тот согласился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.